

Князькова Виктория Сергеевна

ЛАДИСЛАВ МНЯЧКО - "ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ СОЛЖЕНИЦЫН"

В статье проводятся параллели между значением творчества и деятельности А. И. Солженицына и словацкого писателя и публициста Ладислава Мнячко, а также исследуется вопрос противоречивой национальной, общественной и профессиональной самоидентификации Л. Мнячко. Приводятся мнения исследователей творчества обоих писателей, а также высказывания самих авторов, в том числе отражающие их отношение друг к другу. В результате делается вывод о близости не только творческих методов, но и судьбы русского и словацкого писателей, отражающей исторические процессы XX века, сходные в обеих странах. Делается оговорка о различии масштаба этих двух личностей, однако подчёркивается большое значение творчества Л. Мнячко в литературе и общественной жизни Словакии середины XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 20-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE SPECIFICITY OF ONEIRIC CHRONOTOPE IN Z. PRILEPIN'S NOVEL "ABODE"

И'ina Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Tambov State Technical University
vaska24@yandex.ru

The article deals with the specificity of oneiric chronotope in Zakhar Prilepin's novel "Abode" for the first time. The author concludes that the dreams of Artem Goryainov and Galina Kucherenko, lifting the veil over the space of their consciousness, reveal the nature of the characters, help to understand their thoughts and feelings, approach to the understanding of the essence of what is happening in the literary reality, drawing attention to lots of problems, the central ones of which are memory problems, search for the themselves, and gaining true values.

Key words and phrases: Z. Prilepin's novel "Abode"; oneiric chronotope; dream in a literary work; literary dream; literary reality; memory problem.

УДК 821.162.4

В статье проводятся параллели между значением творчества и деятельности А. И. Солженицына и словацкого писателя и публициста Ладислава Мнячко, а также исследуется вопрос противоречивой национальной, общественной и профессиональной самоидентификации Л. Мнячко. Приводятся мнения исследователей творчества обоих писателей, а также высказывания самих авторов, в том числе отражающие их отношение друг к другу. В результате делается вывод о близости не только творческих методов, но и судьбы русского и словацкого писателей, отражающей исторические процессы XX века, сходные в обеих странах. Делается оговорка о различии масштаба этих двух личностей, однако подчёркивается большое значение творчества Л. Мнячко в литературе и общественной жизни Словакии середины XX века.

Ключевые слова и фразы: словацкая литература; тема партизанской борьбы; национальная самоидентификация; стилистические и композиционные особенности; публицистика; репортажно-публицистическая тенденция.

Князькова Виктория Сергеевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
v.kniazkova@mail.ru

ЛАДИСЛАВ МНЯЧКО – «ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ СОЛЖЕНИЦЫН»

Писатель Ладислав Мнячко (Ladislav Mňacko, 1919-1994) родился в моравском городке Валашке-Клобоуки в недавно образованной Чехословацкой Республике. Как о нём пишет одна из современных словацких журналисток, родился он «на границе Моравии и Словакии, где в нём смешалась ментальность и гордость обоих народов» (*здесь и далее перевод иноязычных источников мой – В. К.*) [17]. В 1920-е годы его семья переехала в город Мартин, центр культурной жизни Словакии тех лет. Там прошли детство и юность Ладислава, окончанию гимназии Мнячко помешал 1939 год, ставший переломным в его судьбе. Словакия была провозглашена самостоятельным государством под протекторатом фашистской Германии. Как и в других фашистских государствах, здесь начались гонения на коммунистов, социалистов, евреев, цыган. Ещё одним врагом были объявлены чехи, в которых видели агентов «пражского централизма», якобы приехавших в Словакию, чтобы ее колонизировать [6]. В своей книге «Седьмая ночь» («Die siebente Nacht», 1968 г.) Л. Мнячко вспоминает: «Мне было четырнадцать лет, когда Гитлер пришел к власти... Хотя я тогда ещё точно не знал, что такое фашизм, он стал для меня олицетворением гибели. Я решил тогда не поддаваться. Никому. Против фашизма я боролся словами, действиями, оружием» [15]. В этих сильнейших впечатлениях юности, по всей видимости, следует искать ответы на многие вопросы противоречивых национальных, политических, моральных и творческих убеждений Ладислава Мнячко.

В рамках официального выселения чехов с территории Словакии семье Мнячко пришлось вернуться обратно в Моравию. По свидетельствам брата Мнячко, в этот период Ладислав стал фанатичным коммунистом и представлял себе страну Советов, оплот коммунизма, как некое идеальное государство [18]. В 1939 г. в знак протеста против всего происходящего на родине Ладислав Мнячко предпринял попытку бегства в Советский Союз. Эта первая попытка эмигрировать не увенчалась успехом, но с этого момента бегство и эмиграция стали для Л. Мнячко характерной чертой всей его жизни. Уже в следующем 1940 г. Л. Мнячко попытался пересечь германско-голландскую границу, чтобы попасть на западный фронт, был арестован и отправлен в концентрационный лагерь, затем на принудительные работы в шахтах в Эссене (Германия). И снова, проявив свою натуру неутомимого борца, Ладислав Мнячко бежал из лагеря в 1944 г., вернулся в Моравию и направился в Банску Быстрицу (Словакия), где в это время вспыхнуло знаменитое антифашистское восстание. Однако к тому моменту, когда Мнячко добрался до места, восстание было подавлено, а часть повстанцев перешла к партизанским операциям. Л. Мнячко присоединился к одному из отрядов партизан, который скрывался в деревне Плоштина. За две недели до окончания войны немецкие войска сожгли деревню и ее жителей. «Плоштинские женщины собирают в узелки обугленные кости своих мужей, не зная

даже, чьи кости собирают они» [4, с. 85], – напишет Л. Мнячко в своей самой знаменитой книге «Смерть зовётся Энгельхен» («Smrt' sa volá Engelchen», 1959 г.). В романе автор предлагает читателям свое видение этого трагического случая, в котором далеко не все партизаны выступают честными бойцами за правду и свободу. Трагедией главного героя книги, как и самого автора, был мучивший всю оставшуюся жизнь вопрос о том, могли ли партизаны спасти деревню и имели ли право ее покинуть. Роман был удостоен Государственной премии Чехословакии, переведён на многие языки мира. Это единственное произведение Л. Мнячко, переведённое на русский язык (не считая отрывков из других произведений и журнальных публикаций). Хотя тема партизанской борьбы была далеко не нова для словацкой литературы тех лет, но именно Л. Мнячко удалось поднять в ней такие психологические вопросы (вины, страха, чувства мести, отчаяния, страдания и сострадания), которые до этого уходили от внимания авторов, выдвигавших на первый план героизм и любовь к родине. Стилистические и композиционные особенности романа также свидетельствуют о зрелости, таланте и самобытности автора. Само название книги предзнаменует одно из эффектных стилистических средств прозы Ладислава Мнячко. В оригинале название сочетает в себе фразу по-словацки *smrt' sa volá* ‘смерть зовут’ и немецкое слово *Engelchen* ‘ангелочек’, являющееся одновременно фамилией немецкого офицера, которого главный герой хочет найти после войны, чтобы отомстить, тем самым переложив на него вину за гибель деревни Плоштина и избавив себя от мук совести. Роман наполнен чертами автобиографии и публицистики, что также является характерным для всего творчества писателя.

Грань между художественным и публицистическим произведением в творчестве Л. Мнячко очень тонка. В его романах и повестях всегда есть репортажно-публицистическая тенденция (прямое включение автора в повествование, документальность, фрагментарность) [1, с. 246]. И наоборот, его публицистические работы содержат элементы художественного стиля, прежде всего, глубокий психологизм и образность речи. Именно после первого романа общественность стала видеть в нем, прежде всего, писателя: «Современная литература воспринимает его как журналиста и публициста, но в первую очередь как автора романа “Смерть зовётся Энгельхен”» [19, с. 728]. Первичность публицистики в своем творчестве признал и сам писатель уже в 1990 г., сказав о себе: «Я публицист. Писателем я стал потому, что не было возможности печатать качественную публицистику» [21].

Во второй половине 1950-х годов, в период либерализации политического режима, Л. Мнячко, как и многие, начинает видеть отрицательные стороны социалистической действительности. Однако в отличие от многих, голос Л. Мнячко зазвучал в Чехословакии одним из первых. Словацкий исследователь А. Балаж подчёркивает, что для словацких читателей Ладислав Мнячко «навсегда останется образцом гражданского и писательского мужества, “чехословацким Солженицыным”, автором, который ещё прежде, чем в чешском литературном журнале “Пламен” появились первые отрывки из рассказа Солженицына “Один день Ивана Денисовича”, опубликовал в начале 1963 г. одиннадцать историй о “нарушении социалистической законности” и первым в Чехословакии открыто заговорил о преступлениях сталинских лет» [8, с. 5]. Речь идёт о публицистической книге под названием «Запоздалые репортажи» («Oneskorené reportáže», 1963 г.), резко критикующей нарушение социалистической законности и морали. Л. Мнячко, в то время ещё убежденный коммунист, пытался разобраться в ситуации 1950-х годов, описывая судебные убийства и преступные судебные процессы коммунистов, на которых были осуждены так называемые «буржуазные националисты» и «сионисты». Автор честно признается, что верил сфабрикованным обвинениям и выступал за осуждение обвиняемых.

Судебные процессы распространяли страх и парализовывали общество. Л. Мнячко в своей книге пишет: «Я сказал себе, что страх, который меня парализует, может меня погубить. Страх – это только первый круг ада. Жертвы выбирались наугад. Никто не знал, в чём его обвинят, почему его арестуют, к чему его приговорят. Я сказал себе, перестань бояться, пусть боятся они» [18]. «Запоздалые репортажи» явились первой ступенью в повороте сознания писателя. В предисловии к изданию 1990 г. Л. Мнячко пишет: «Я писал их как коммунист, который после отрезвления от наивной веры не хочет и не может смириться с бесчеловечностью и бессмысленностью тоталитарного режима, который я сам помогал укреплять все эти прошедшие годы. Многолетнее наблюдение необузданного террора и бесправия мне казалось в абсолютном противоречии с гуманной идеологией, которой я был приверженцем, за осуществление идеалов которой я боролся ещё и в то время, когда писал эту книгу» [Ibidem].

Конечно, Ладиславу Мнячко далеко до литературного масштаба и человеческой отваги А. И. Солженицына, но их творческий и жизненный путь весьма схож. Публицистичность и политизированность творчества, опыт войны и лагеря, сильнейшее влияние на общественное мнение в 1950-60-е гг., а затем относительное затишье (по причине запрета на печать и другим причинам), эмиграция и возвращение на родину после падения коммунистического режима, попытка участия в общественной жизни своей страны в 1990-е гг., оживший интерес читателей, но и противоречивость восприятия творчества в постсоветское время – всё это позволяет провести определенные параллели. Реакция на публикацию «Одного дня Ивана Денисовича» в Советском Союзе сопоставима с воздвиганием «Запоздалых репортажей» в Чехословакии. «За этим произведением Мнячко огромные толпы людей стояли в очередях в Словакии и Чехии – тогдашние школьники, их родители, бабушки и дедушки. Процессы, аресты и несправедливости 1950-х годов прямо или косвенно коснулись множества семей или их близкого окружения. 90-тысячного тиража не хватило, и книга переходила из рук в руки...» [9, с. 45]. (Тираж одиннадцатого номера «Нового мира» 1962 г., где был напечатан «Один день Ивана Денисовича», также составил 95 тысяч экземпляров.) Подобную параллель проводят и немецкие литературоведы: «Его “Запоздалые репортажи” под названием “Красный сад пыток”, тут же нелегально переведённые на немецкий, сыграли в 1963 г. для словаков и чехов ту же роль, что и “Один день Ивана Денисовича” для советских граждан. 300 тысяч экземпляров были раскуплены за два месяца» [16]. Сравнение деятельности

Л. Мнячко с фигурой А. И. Солженицына присутствует и в русском сознании. Так, в 1963 году в первом номере «Роман-газеты» представлена вторая публикация «Одного дня Ивана Денисовича», в одиннадцатом номере – «Смерть зовётся Энгельхен» (перевод со словацкого Е. Аронович).

Мятежный характер словацкого писателя открывает в своей книге «Таков был Ладислав Мнячко» («Taký bol Ladislav Mňacko», 2008) словацкий исследователь Йозеф Лейкерт. Он приводит множество случаев безбоязненного столкновения Л. Мнячко с властями, в частности с А. Новотным: «Прежде, чем Новотный был снят, он успел сделать Мнячко много плохого. Он ненавидел Мнячко, как и Мнячко его. Неприятие было взаимным с той лишь разницей, что Мнячко знал жизнь и людей лучше, чем первый человек в государстве. Новотный прожил всю свою жизнь в Праге и понятия не имел, как живут обычные люди за пределами столицы. <...> Больше всего Мнячко раздражало то, что Новотный заботился не о партии, а только о себе самом. <...> Как сказал Ладислав Мнячко, такого человека нельзя было ни любить, ни уважать, ни тем более сносить то, что, как о нём было широко известно, он не любит словаков. “Он всё время относился к нам (выделено нами – В. К.) с высокомерием и унижал нас. Он мне стал абсолютно противен, когда надменно спросил меня, почему это я называю себя словаком, если я чех. Я ответил ему, что я словак и что я горжусь этим. Чехом я никогда не был, родился я в Моравии, и мы всегда были ближе словакам, чем чехам. А потом я на него напустился: «А Вы, товарищ президент, вообще ни к кому не относитесь, ведь Вас даже Пражане не любят. А о Словакии я даже молчу. В отличие от Вас, я везде чувствую себя как дома, а Вас народ не любит...». Я не удивляюсь, что он меня ненавидел, ведь на одном из приёмов я при свидетелях сказал ему, что народ его не уважает и он должен уйти с поста”» [14, с. 1].

Осенью 1967 г., протестуя против отношения Чехословакии к арабо-израильской войне, Л. Мнячко эмигрирует со своей женой-еврейкой в Израиль. Писателя лишают звания заслуженного художника, исключают из Коммунистической партии Чехословакии, а затем лишают чехословацкого гражданства. Пробыв в эмиграции всего несколько месяцев, в марте 1968 г. Л. Мнячко возвращается на родину для поддержки «пражской весны». Писатель, таким образом, даёт понять, что верит новому руководству страны во главе с Александром Дубчеком. Эта недолговременная израильская эмиграция Л. Мнячко вызвала очень противоречивую реакцию среди его коллег. Некоторые поддержали писателя, в некоторых она вызвала негодование [12, с. 227]. Не только на родине писателя израильская эмиграция спровоцировала неблагоприятные отзывы. Весьма раздражённо о ней пишет А. И. Солженицын в своей неоднозначной книге «Двести лет вместе»: «А с возникновением государства Израиль – вихри вокруг него внесли смятение и в невинность европейского социалистического сознания. Тут напрашиваются два небольших, но в своё время прошумевших, характерных примера. – В одном из так называемых “диалогов между Востоком и Западом” (ловких устройств периода Холодной войны, где наперерез западным спорщикам выдвигались восточно-европейские чиновники или послушники, выдающие казённую невятицу за свои душевные убеждения) в начале 1967 года словацкий писатель Ладислав Мнячко, достойно представляя социалистический Восток, остроумно заявил, что он никогда в своей деятельности, в своей жизни не имел какого-либо конфликта с коммунистической властью, кроме единственного случая, когда у него отобрали шофёрские права за нарушение правил уличного движения. Французский оппонент гневно заявил, что уж в *одном-то* случае наверняка следовало бы Мнячко стать в оппозицию: когда топили в крови соседнее венгерское восстание. Но нет, подавление Венгрии не нарушило душевного покоя Мнячко, не вынудило его ни к какой резкости или дерзости. – Прошло после того “диалога” несколько месяцев – возгорелась Шестидневная война. Чехословацкое правительство Новотного, верные коммунисты, обвинили Израиль в агрессии и порвало с ним дипломатические отношения. И что же? Спокойно снесший подавление Венгрии, Мнячко – словак, женатый на еврейке, – теперь настолько возмутился и взбудоражился, что покинул свою родину и в виде протеста отправился жить в Израиль» [7, с. 417]. Далее А. И. Солженицын замечает, что готов разделить негодование Л. Мнячко и обращает внимание лишь на крайность его чувств – «это при предыдущей долгой и угодливой терпимости к коммунизму» [Там же].

В целом объяснение разной реакции словацкого писателя на события в Венгрии и Израиле нелюбовью словаков к венграм и сочувственным отношением к евреям, данное А. И. Солженицыным, можно признать оправданным, хотя ситуация тех лет была весьма противоречивой. Объяснение (но не оправдание) равнодушия словацких интеллектуалов к Венгерскому восстанию 1956 года пытается найти Й. Лейкерт в своей статье «Slovenski spisovatelia roku 1956 a ich reakcie na udalosti v Maďarsku» [13] («Словацкие писатели в 1956 году и их реакция на события в Венгрии»). Л. Мнячко в этот период был главным редактором журнала «Културны живот» («Kultúrny život»), где самые видные словацкие журналисты и писатели того времени публиковали статьи о злободневных событиях страны. Л. Мнячко имел действительно большое влияние на общественное мнение. О результатах съезда писателей Чехословакии во вступительной статье журнала Л. Мнячко высказал несколько соображений. Первое из них касается национального самосознания писателя, а именно: Л. Мнячко возражал тем словацким писателям, которые считали Прагу не местом обсуждения словацкой литературной жизни. Л. Мнячко же, как истинный *чехословак*, видел в Праге центр литературной жизни и Словакии тоже. Далее в этой статье Л. Мнячко воодушевлённо пишет о двух положительных результатах съезда: первый состоит в небывалом интересе со стороны общественности, второй – в радостных перспективах, которые открыл для литературы XX съезд КПСС [Ibidem, s. 94]. После восстания в Венгрии партийные органы Чехословакии приняли решение не осуществлять запланированные карательные меры против писателей, т.к. испугались подобной реакции чешских и словацких интеллектуалов. Испугались, по всей видимости, и писатели, т.к. не только не выступили с поддержкой венгерских писателей и против роспуска Венгерского союза писателей (в чём состоит главное обвинение исследователя Й. Лейкерта [Ibidem, s. 100]), но и в последующие месяцы

после подавления восстания включились в партийную работу по предотвращению волнений в южной Словакии. Но в Чехословакии венгерское восстание не было поддержано и не вызвало особых симпатий. Й. Лейкерг признает, что такая реакция обусловлена в том числе и «историческими реминисценциями и опасениями венгерского ревизионизма (пересмотра венгерских границ в пользу Венгрии) и ирредентизма» [Ibidem, s. 101].

Бесспорно, после демонстративной эмиграции в Израиль деятельность писателя Ладислава Мнячко стали ассоциировать и с еврейским вопросом [17]. Действительно, «у Мнячко всегда было положительное отношение к Израилю, и он никогда этого не скрывал, даже тогда, когда это было не в моде или даже небезопасно» [12, s. 218]. Неравнодушное отношение к еврейской нации и к событиям 1967 г. в Израиле кроется, по всей видимости (так же как и отношение к коммунизму и «чехословакизму»), в сильнейших впечатлениях юности и отвращении, прежде всего, к нацизму и фашизму. Всё, что отвергал нацизм (коммунистов, евреев, чехов на территории Словакии), – всё это создало базу для привязанностей Л. Мнячко. Кроме того, на заинтересованность в судьбе Израила, по всей видимости, оказала влияние первая жена Ладислава Мнячко Гедвига и приятели, которых он приобрёл во время поездки в Израиль ещё в 1948 г. в качестве репортера. В 1967 г. эмигрировав вместе с мужем, Гедвига, у которой в Израиле были родственники, остаётся там. А Л. Мнячко после возвращения на родину выбирает себе в жёны Эву Окалиову, дочь словацкого поэта Ивана Краско.

Тогда же, в 1968 г., Л. Мнячко издаёт роман «Вкус власти» («Ако chuť moc»), сатирическую критику коммунистической власти. Сюжетной основой является описание похорон крупного партработника. На эту основу наслаиваются воспоминания и размышления фотографа Франка, бывшего друга покойного, о том, как друг его юности достиг высокой должности, что принесла ему власть, как изменила его. Роман «Вкус власти» становится знаковым не только для всего творчества писателя, но и для всей словацкой литературы того периода. Деятельность 1960-х годов принесла Ладиславу Мнячко мировую известность, это был период его наибольшей популярности. После немецких переводов «Запоздалых репортажей» («Der rote Foltergarten: verbotene Reportagen», Köln, 1963) и «Вкуса власти» («Wie die Macht schmeckt», 1967) публицистика и художественные произведения Л. Мнячко вызвали интерес и в других европейских странах.

При всей отваге и дерзости поведения Л. Мнячко и его произведений тех лет бесстрашным он все-таки не был. Биограф Й. Лейкерг открывает природу страха словацкого писателя: «Западных журналистов интересовало, почему именно ему за все его инциденты никогда ничего не сделали и как он заслужил расположение властей. Он не знал, что отвечать. Скорее всего, потому, что он не боялся. Страх у него был только перед московскими товарищами, они были чрезвычайно опасны. Если бы они дали приказ о ликвидации, наши партийцы бы и брата не признали и приказ бы немедленно выполнили» [14]. Это была одна из главных причин того, почему после вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию Л. Мнячко решает эмигрировать в Австрию, где остаётся до 1989 г. «Вторжение было для него шоком. Но, как он сам позже признался, благодаря августу 1968 года он многое понял: я навсегда излечился от иллюзий о дружбе и союзничестве Советского Союза» [Ibidem].

В период австрийской эмиграции происходит перерождение сознания и кардинальное изменение взглядов Л. Мнячко. Из убежденного коммуниста, критикующего отдельные нарушения коммунистической морали, писатель превращается в критика всего режима в целом. Преодоление старых взглядов оказалось длительным и довольно болезненным процессом, вылившимся в более десятка произведений, в основном написанных по-немецки. Первое произведение, изданное Ладиславом Мнячко в эмиграции, – это политическое эссе «Седьмая ночь. Познание и обвинение одного коммуниста» («Die siebente Nacht. Erkenntnis und Anklage eines Kommunisten». Wien, 1968). В этой книге автор размышляет о чехословацкой истории с 1938 по 1968 год, о своей жизни и творчестве этого периода. «Писатель старается зафиксировать чувства человека, переживающего первые дни вторжения оккупационных войск на территорию его страны, анализирует причины этого агрессивного нападения и пытается определить его возможные последствия» [9, s. 45]. Описывает «общественный и политический облик социализма так, как он его воспринимал и с 1945 года, помогал укреплять его как журналист и писатель. Открыто признает свои ошибки и просит за них прощения. Подзаголовок к книге звучит “Познание и обвинение одного коммуниста”. Это обвинение не только коммунизма, но и самообвинение, поскольку и сам автор был составной частью критикуемого режима» [18]. В этой книге предстаёт перед нами фигура Л. Мнячко как неутомимого борца, борца по натуре. Эссе «Седьмая ночь» вызвало большой интерес на Западе, и писатель на какое-то время стал настоящей звездой СМИ, где повторно смог объяснить окончательный разрыв со своим коммунистическим прошлым. В словацком переводе книга смогла быть опубликована только после Бархатной революции в 1990 г. («Siedma noc: Skúsenosti a obžaloba jedného komunistu»).

В период своей 20-летней эмиграции, зарабатывая на жизнь литературным трудом, Л. Мнячко пытался писать на самые разные темы. Это были романы, рассказы, сценарии к фильмам, политические репортажи, эссе, которые, однако, уже не вызвали такого оживленного интереса публики, как произведения 1960-х годов. Темой произведений эмигрантского периода часто становится пародийное изображение жизни Запада, осмеяние недостатков традиционной европейской культуры, некоторые «вдохновлены модными психотриллерами западной литературы» [9, s. 45]. В основном все время эмиграции Л. Мнячко живет спокойной, непохожей на предыдущие бурные годы, жизнью, на что, несомненно, оказала влияние его вторая жена Эва.

После Бархатной революции ноября 1989 г. Л. Мнячко сразу решает возвратиться на родину, он мечтает активно включиться в литературную и общественную жизнь страны, вернуть былые времена. Но его, как будто законсервировавшееся в годы эмиграции, сознание не принимает изменившиеся порядки и отношения. Он видит другую страну, другую реальность, он чувствует разочарование. Убежденный приверженец «чехословакизма»,

Л. Мнячко решительно выступает против разделения Чехословакии. В своей убежденности в этом вопросе он, однако, исходит не из объективных предпосылок общественной и политической ситуации того времени, а из субъективных переживаний прошлого. После распада Чехословакии в 1993 г. Л. Мнячко переезжает в Прагу. Будучи «чехословаком телом и душой», он всегда был «словако-ориентированным» [11] (ведь и писал он преимущественно по-словацки), и переезд в Прагу сам писатель характеризует как третью эмиграцию [10]. Но и здесь его ожидания не оправдались, последние месяцы жизни он очень подавлен. Во время одной из своих поездок в Братиславу в начале 1994 г. Ладислав Мнячко скоропостижно умирает. По выражению Йозефа Лейкерта, писатель «умер от грусти» [11]. Действительно, по свидетельству тех, кто встречался с ним в эти последние годы, писатель чувствовал себя потерянным и дезориентированным. Борец по натуре, он не имел теперь конкретной цели борьбы, чувствовал себя потерянным, как и многие писатели его поколения. Очень точно описывает литературную ситуацию тех лет словацкий литературовед В. Петрик: «...авторов сковывала уже упомянутая растерянность перед настоящим. Она коренилась, прежде всего, в резком изменении самого статуса писателя. Если в XIX в. писатель считался совестью нации (в Словакии это продолжалось и в XX в.), а при социализме гордо носил звание инженера человеческих душ (и был под защитой народа, рабочего класса, руководимого коммунистической партией), то после 1989 г. он стал частным лицом, пишущим одиночкой, от которого уже никто не требовал выполнения некоей высшей миссии. Его связи с обществом безнадежно ослабли, а то и совсем оборвались. Предоставленный самому себе, он был вынужден вновь заняться поисками собственной идентичности. Потому-то в 1990-е гг. так сложно было пробиться на первый план авторам масштабных, обремененных социальной проблематикой романских фресок» [5]. Здесь напрашивается ещё одно сравнение личности Л. Мнячко и А. И. Солженицына, который «оказался в истории русской литературы последним писателем, совместившим писательство и проповедь, искусство и учительство» [2, с. 38], который воспринимал литературу как общественное служение, а творчество – не как средство самовыражения, а как средство отражения эпохи. Вследствие этого сходным оказалось весьма удручающее возвращение обоих писателей из эмиграции, непонимание и неприятие новой действительности на родине в конце XX века. Печально звучат слова, сказанные словацкой исследовательницей о жизни А. И. Солженицына после возвращения из эмиграции. Во многом эти слова можно отнести и к жизненному пути Ладислава Мнячко: «В современной России Солженицына многие считали старым чудачком. Когда 21 июля 1994 года Александр Солженицын вернулся из эмиграции, на вокзале в Москве эту возможно самую великую личность в истории русской литературы XX века встречали всего несколько десятков людей. Казалось, что слава этого великого писателя, мужественного и принципиального человека уже в прошлом» [20, с. 17].

Список литературы

1. **Васильева Е. А.** Эволюция поэтики Ладислава Мнячко // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы: информационные материалы и тезисы докладов международной научной конференции (21-22 октября 2003 г.). М., 2003. С. 246-248.
2. **Голубков М. М.** Александр Солженицын. М., 1999. 112 с.
3. **Мнячко Л.** Ночной разговор // Заметки по еврейской истории. 2009. № 13 (116) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer13/Sokoll.php> (дата обращения: 10.12.2014).
4. **Мнячко Л.** Смерть зовется Энгельсен // Роман-газета. 1963. № 11.
5. **Петрик В.** Современная словацкая литература в потоке времени [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/41-44/petrik.htm> (дата обращения: 10.12.2014).
6. **Словацкое национальное восстание 1944 года** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istpravda.ru/reconstructions/5343/> (дата обращения: 10.12.2014).
7. **Солженицын А. И.** Двести лет вместе: в 2-х т. М., 2013. Т. 2. 1120 с.
8. **Baláž A.** Majstrovské svedectvo // Knižná revue. 2009. Roč. XIX. 18. február. č. 4. S. 5.
9. **Cabadaj P.** Pred 90 rokmi sa narodil Ladislav Mňačko // Knižnica. 2009. Roč. 10. č. 1. S. 44-45.
10. **Cinger F.** Mňačko se za pravdu pral všemi prostředky [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novinky.cz/kultura/150905-mnacko-se-za-pravdu-pral-vsemi-prostredky.html> (дата обращения: 10.12.2014).
11. **Gazdík J.** Měl talent od Boha, říká autor monografie o Mňačkovi [Электронный ресурс]. URL: <http://aktualne.centrum.cz/domaci/spolecnost/clanek.phtml?id=798302> (дата обращения: 10.12.2014).
12. **Leikert J.** Emigrácia Ladislava Mňačka do Izraela ako prejav odporu voči antiizraelskej politike Československa // Slovensko a svet: v 20. storočí. Bratislava: Historický ústav SAV, 2006. S. 217-235.
13. **Leikert J.** Slovenskí spisovatelia roku 1956 a ich reakcie na udalosti v Maďarsku // Maďarská revolúcia roku 1956 a Slovensko. Šamorín – Bratislava: Historický ústav SAV, 2006. S. 93-105.
14. **Leikert J.** Taký bol Ladislav Mňačko. Bratislava: Luna, 2008. 407 s.
15. **Leikert J.** Taký bol Ladislav Mňačko: Ukážka z knihy *Taký bol Ladislav Mňačko*, ktorá vychádza vo vydavateľstve Luna. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litcentrum.sk/42845> (дата обращения: 10.12.2014).
16. **Olles H.** Literaturlexikon 20. Jahrhundert. Reinbek: Rowohlt, 1971. 3. Bände. 850 s.
17. **Osvaldová L.** Chcel poznať pravdu a vedel o nej písať [Электронный ресурс]. URL: <http://turiec.sme.sk/c/5803206/chcel-poznat-pravdu-a-vedel-o-nej-pisat.html#ixzz2qVIN7ZCY> (дата обращения: 10.12.2014).
18. **Petrík V.** Charakteristika tvorby [Электронный ресурс]. URL: http://www.litcentrum.sk/slovenski-spisovatelia/ladislav-mnacko#production_description (дата обращения: 10.12.2014).
19. **Pišút M. a kol.** Dejiny slovenskej literatury. Bratislava: Osveta, 1962. 2. vyd. 784 s.
20. **Procházková P.** Neznázal Jefčina a obdivoval Putina // SME Kultúra. 2008. 5 augusta. S. 17.
21. **Štolfová L.** Ladislav Mňačko [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svkul.cz/wp-content/uploads/2014/01/mnacko-med.pdf> (дата обращения: 10.12.2014).

LADISLAV MĚAČKO – “CZECHOSLOVAK SOLZHENITSYN”

Knyaz'kova Viktoriya Sergeevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
v.kniazkova@mail.ru

The article draws the parallels between the meaning of creativity and activity by A. I. Solzhenitsyn and Slovak writer and publicist Ladislav Měačko. The paper also examines the issue of L. Měačko's contradictive national, social and professional self-identification, provides the opinions of the researchers of both writers' creative work and the statements of the authors themselves, including those representing their attitude to each other. Finally the researcher concludes on the similarity of the creative methods and destiny of the Russian and Slovak writer representing the historical processes of the XX century similar in both countries. The researcher specifies the different scale of these two persons, but emphasizes the great importance of L. Měačko's creative work in the literature and social life of Slovakia of the middle of the XX century.

Key words and phrases: Slovak literature; partisan struggle theme; national self-identification; stylistic and compositional peculiarities; publicistic; journalistic and publicistic tendency.

УДК 82.091

Статья посвящена анализу влияния жанра бульварной литературы на роман Ф. М. Достоевского «Игрок». Авторы затрагивают такие аспекты романа, как особенности сюжетного построения произведения, тематику и характеры некоторых из персонажей, являющиеся родственными для жанра бульварной литературы, и находят точки пересечения между романом «Игрок» и работами Эжена Сю и Поля де Кока. Любовные многоугольники, интриги, невероятные совпадения, оглушительные выигрыши и сокрушительные проигрыши – те элементы произведения, которые связывают сюжет романа «Игрок» с творчеством классиков бульварного жанра

Ключевые слова и фразы: бульварная литература; Ф. М. Достоевский; бульварный роман; компаративистика; сравнительно-историческое литературоведение; «Игрок».

Криницын Александр Борисович, к. филол. н.

Шарапова Дарима Данзановна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
derselbe@list.ru; darimasharapowa@gmail.com

«ИГРОК» ДОСТОЕВСКОГО И БУЛЬВАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА: О ТОЧКАХ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Роман «Игрок» был написан Ф. М. Достоевским в невероятно сжатые сроки, о чем свидетельствует его жена Анна Григорьевна в своих воспоминаниях [4, с. 122]. Всего на сочинение романа им было потрачено двадцать шесть дней. Чтобы выполнить обещанное, писатель вынужден был пойти по пути наименьшего сопротивления – заимствовать готовые жанровые шаблоны и сюжетные схемы, достигая художественного эффекта не за счет углубленного психологизма, а с помощью интенсификации сюжетной интриги. Избранное место действия – условный европейский Рулетенбург, город игроков, авантюристов и мошенников всех мастей – фактически предопределяло жанровые формы европейского бульварного романа.

Под бульварным романом мы понимаем роман-фельетон, то есть предназначенный на издание по частям в журнале, авантурный по сюжетному построению, причем, в отличие от исторического романа, разворачивающийся в современной автору эпохе и затрагивающий злободневную социальную проблематику. Родоначальником бульварного романа считался Эжен Сю с его «Парижскими тайнами» (1843 г.), а продолжателями традиции – ряд авторов, преимущественно французских, среди которых ярко выделялись Ксавье де Монтенпен, самым известным произведением которого является «Разносчица хлеба» (1887 г.), Поль де Кок, знакомый широкому кругу читателей как создатель «Вишенки» (1850 г.), Фредерик Сулье, автор «Мемуаров дьявола» (1838 г.). Отличительной чертой жанра являются неожиданные повороты сюжета, цепи роковых совпадений, алогичность поступков персонажей, обилие скандалов, драматизированных сцен, запутанных любовных и прочих интриг, обязательная детективная линия, связанная с поисками пропавшего богатства или родственника. Бульварный роман всенепременно должен быть захватывающим для читателей, чтобы они с нетерпением ждали следующего выпуска. Также для бульварного романа типично совмещение в системе персонажей разнородных слоев общества, что приводит к нестандартным, зачастую гротескно невозможным в обыденной жизни ситуациям: князя и сильные мира сего соседствуют с обедневшим дворянством, рабочими, ремесленниками и городскими маргиналами – ворами, проститутками и сутенерами, как это мы видим на страницах произведений Сю «Парижские тайны» (1843 г.) и «Агасфер» (1845 г.), причем намного больше положительных персонажей находится среди бедноты, нежели среди богатей.

Еще Б. А. Грифцов отмечал параллели романом Достоевского, помимо Бальзака, Гофмана и Диккенса, с «вульгарным европейским романом-фельетоном, построенном на принципе „вдруг“», «<...> с романом с загадкой (утаиваемые документы в “Подростке”, подслушанные разговоры в „Преступлении и Наказании”»,